

DOI: 10.22363/2313-1683-2024-21-2-633-656

EDN: MAIMEA

УДК 159.99

Обзорная статья

Обзор методов анализа социальной идентичности: проблемы и перспективы их разрешения

И.Б. Бовина¹, Б.Г. Бовин²

¹Московский государственный психолого-педагогический университет,
Москва, Российская Федерация

²Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
Москва, Российская Федерация
 innabovina@yandex.ru

Аннотация. Интерес к проблеме эмпирического анализа социальной идентичности обусловлен разработкой модели оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде, как следствие, необходимостью инструмента для выявления особенностей социальной идентичности, что и определяет цель представленного в статье аналитического обзора. С одной стороны, сама модель оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде опирается на постулаты подхода социальной идентичности в целом и положения модели неопределенности-идентичности М. Хогга, в частности. Это объясняет преимущественный интерес к методам анализа социальной идентичности, существующим в этом теоретическом поле. С другой стороны, насколько позволяют судить монографические исследования социальной идентичности, а также методические работы, то представляется возможным расширять рамки анализа, уделяя внимание инструментам, используемым и в других теоретических рамках. Интеграция этих двух линий позволила определить три основных типа инструментов анализа социальной идентичности (инструменты, основанные на ассоциативной методике; шкалы; картографирование социальной идентичности) и предпринять их критический анализ. Делаются выводы по преимуществам каждого инструмента измерения социальной идентичности. Отмечается, что в рамках модели оценки риска наиболее адекватной является разработка сложной методологической стратегии, включающей модифицированный вариант «Теста двадцати утверждений» с последующим картографированием социальной идентичности, которая позволит получить оценку социальных идентичностей индивида как ресурса, противостоящего радикализации.

Ключевые слова: социальная идентичность, ассоциативная методика, «Тест двадцати утверждений», картографирование социальной идентичности, измерение социальной идентичности с помощью шкал, оценка риска радикализации

© Бовина И.Б., Бовин Б.Г., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Введение

Вслед за Ж.-П. Кодолом, представляется возможным говорить о том, что конструкт идентичности является ключевым для социальной психологии, поскольку служит отражением одного из центральных конфликтов между индивидуальным и коллективным, между поиском персональной и социальной идентичностей (Deschamps, Moliner, 2008).

Изучению идентичности в социальной психологии уделено значительное внимание в рамках ряда теорий и моделей (Иванова, 2006; Haslam, 2004; Haslam et al., 2018). Положения теории социальной идентичности Г.Тэшфела и теории самокатегоризации Дж.Тернера (в современной литературе уже используется понятие подхода социальной идентичности, что отражают масштаб современного развития этих теорий (Haslam et al., 2018)) достаточно давно и хорошо известны отечественным социальным психологам благодаря усилиям В.С. Агеева, Г.М. Андреевой и П.Н. Шихирева (Агеев, 1983; Андреева, 2014; Шихирев, 1997). Подход социальной идентичности неоднократно применялся отечественными исследователями, оказывался в фокусе рефлексии в диссертационных трудах, в рамках этого подхода формулировались оригинальные концепции (Белинская, 2006; Иванова, 2003; Стефаненко, 1999).

Вопросы, касающиеся методов изучения социальной идентичности, в меньшей степени получили внимание отечественных исследователей, что объясняет правомерность обращения к этой теме и определяет *цель* представленного в статье аналитического обзора. Подчеркнем особо, что интерес к проблеме измерения социальной идентичности связан с разработкой модели оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде, как следствие – необходимостью анализа особенностей социальной идентичности в подростково-молодежной среде (Дворянчиков и др., 2023). Таким образом, выбранная перспектива рассмотрения социальной идентичности обладает определенной новизной и значимостью.

Перед тем как перейти к обсуждению методов анализа социальной идентичности, скажем несколько слов о сути самой модели.

Модель оценки риска радикализации восходит к идеям теории неопределенности-идентичности М. Хогга (Hogg, 2007; Hogg, 2012; Hogg, 2021; Hogg et al., 2013), что обуславливает важность социальной идентичности для принятия решения об уязвимости к радикализации того или иного индивида. Апелляция к социальной идентичности как важному конструкту в связи с объяснением радикализации не является чем-то новым. В качестве примера можно упомянуть модели К. Викторовича, Ф. Мохаддама, В. Свана с коллегами, М.Д. Силбера и А. Батта (King, Taylor, 2011; Swann et al., 2009), а также схемы оценки риска радикализации (Lloyd, 2019; Fernandez, de Lasala, 2021). Среди прочих укажем так называемый «научный подход к поиску индикаторов радикализации и реакции на нее» (SAFIRE), используемый для мониторинга радикализации в образовательной среде (Sarma, 2017). Однако модели радикализации К. Викторовича, Ф. Мохаддама, М.Д. Силбера и А. Батта не имеют эмпирической проверки, идентичность

выступает как объяснительный конструкт, но исследователи не сталкивались с проблемой ее измерения (Бовина и др., 2020; King, Taylor, 2011). В теории слияния идентичностей, разработанной В. Сваном с коллегами, для измерения слияния идентичностей используется специально созданная для этого шкала (Swann et al., 2009). Несмотря на то, что подход социальной идентичности является основополагающим для теории слияния идентичностей, однако постулат о слиянии идентичностей разнит ее с идеями Г. Тэшфела и Дж. Тернера (Ellemers, Haslam, 2012; Haslam et al., 2018; Tajfel, 1972; Tajfel, 1982; Turner, 1980).

Наконец, в случае мониторинга радикализации в образовательной среде (SAFIRE) используется система наблюдаемых показателей, на основе которых делается заключение об уязвимости того или иного индивида (Sarma, 2017), то есть особенности социальной идентичности определяются на основе специфических наблюдаемых поведенческих признаков.

Разрабатываемая модель оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде (Дворянчиков и др., 2023) основывается на положениях подхода социальной идентичности (Ellemers, Haslam, 2012; Haslam et al., 2018; Tajfel, 1972; Tajfel, 1982; Turner, 1980), развитии ее мотивационных аспектов в теории неопределенности–идентичности М. Хогга (Hogg, 2007; Hogg, 2012; Hogg et al., 2013), а также логике построения моделей оценки риска (Herrington, Roberts, 2012).

Социальная идентичность рассматривается как интернализованная принадлежность человека к группе, благодаря этой идентичности субъект отвечает на вопрос «кто я такой в данном контексте?» (Hogg, 2007; Hogg, 2012; Hogg, 2021; Hogg et al., 2013). Чувство неопределенности сопряжено с особенностями социальной идентичности, испытывая это чувство, человек задается вопросами: «Что делать?», «Кем быть?», «Что думать?». Тезис о том, что чувство неопределенности не является диспозиционной особенностью радикализирующегося субъекта, но зависит от социального контекста, соответствует логике теории М. Хогга (Hogg, 2007; Hogg, 2012; Hogg et al., 2013).

Идея Г. Тэшфела о том, что человек обладает рядом социальных идентичностей, некоторые из которых важны для него, а другие – нет, а также постулат А. Хаслама (Tajfel, 1982; Haslam et al., 2018) о множественности позитивных социальных идентичностей, значимых и совместимых друг с другом, позволили сформулировать положение модели оценки риска, согласно которому идентификация с различными группами является фактором, «удерживающим» от радикализации, отсутствие множественных позитивных социальных идентичностей, значимых и совместимых друг с другом, оказывается фактором, «подталкивающим» в сторону радикализации.

Если индивид не видит важности в тех социальных идентичностях, которыми он обладает, то он не может использовать преимущества психологического толка, ассоциированные с этим групповым членством (Haslam et al., 2018): ведь именно группа задает человеку ценности и нормы, в соответствии с которыми он действует или бездействует; благодаря групповому членству человек вовлекается в процессы социального влияния; благодаря

степени идентификации с группой человек переживает свою связь с другими членами группы. Именно социальная идентичность дает человеку возможность обрести цель, смысл и ценность своего существования, обеспечивает его чувством эффективности и власти. Кроме того, социальная идентичность позволяет человеку обрести предсказуемость окружающего мира. Отсюда в результате игнорирования имеющихся социальных идентичностей под угрозой оказывается удовлетворение базовых потребностей, что побуждает человека к действиям по изменению ситуации.

В модели оценки риска радикализации уделяется внимание специфике групп, с которыми идентифицируется индивид, учитывается, являются ли они малыми (семья, друзья, школьный класс) или большими группами (этнос, возрастная, гендерная группа). Семья и друзья – это примеры высокоэнтитативных групп, как было показано в работах Б. Ликеля с коллегами (Lickel et al., 2000; Lickel et al., 2001). Радикализация – процесс поиска социальной идентичности (иначе говоря, поиска определенного группового прототипа); в этой логике отстранение от семьи и друзей (высокоэнтитативных групп (Campbell, 1958)) является указанием на потерю социальной идентичности или отсутствие идентификации с группами из близкого окружения (Sarma, 2017), то есть это еще один индикатор уязвимости индивида в радикализации («подталкивающий» фактор). Стоит подчеркнуть, что в модели SAFIRE отстранение от ближайшего окружения соответствует третьей стадии процесса радикализации. Для операционализации положений модели оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде требуется адекватный инструмент измерения социальной идентичности.

Итак, ключевой вопрос, на который требуется найти ответ в рамках предлагаемого здесь аналитического обзора, таков: какие из методов изучения социальной идентичности в наибольшей степени адекватны для выявления ее особенностей в подростково-молодежной среде (в логике модели оценки риска радикализации)? Ответ на этот вопрос требовал определения рамок поиска методов и их критического анализа на основе соответствующих работ. С одной стороны, тот факт, что сама модель оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде опирается на постулаты подхода социальной идентичности в целом (Ellemers, Haslam, 2012; Tajfel, 1972), а также на положения модели неопределенности-идентичности М.Хогга, в частности (Hogg, 2007; Hogg, 2021) объясняет преимущественный интерес к методам анализа социальной идентичности, существующим в этом теоретическом поле. С другой стороны, насколько позволяют судить монографические исследования социальной идентичности, а также методические работы, представляется возможным расширять рамки анализа, уделяя внимания инструментам, используемым и в других теоретических рамках (Белинская, 2006; Иванова, 2003; Стефаненко, 1999; Татарко, Лебедева, 2011; Deschamps, Moliner, 2008).

Интеграция этих двух линий позволила определить три основных типа инструментов анализа социальной идентичности: 1) инструменты, основанные на ассоциативной методике; 2) шкалы; 3) картографирование социальной идентичности.

Изучение социальной идентичности с помощью ассоциативной методики

Очевидно, что методы и приемы измерения социальной идентичности разработаны в рамках соответствующих подходов и теорий (Deschamps, Moliner, 2008; Haslam et al., 2018), однако перед тем, как сфокусировать внимание на анализе инструментов, разработанных в рамках подхода социальной идентичности (на основных положениях которого сформулирована модель оценки риска радикализации), остановимся на инструменте анализа социальной идентичности, который заслуживает особого внимания в силу своей применимости для измерения идентичности, – «Тесте двадцати утверждений» М. Куна и Т. Макпартленда (Kuhn, McPartland, 1954). Обращение к обсуждению этого инструмента объясняется некоторой парадоксальностью: с одной стороны, инструмент достаточно хорошо знаком отечественным исследователям [оригинальный текст статьи М. Куна и Т. Макпартленда был переведен на русский язык] (Кун, Макпартленд, 1984), сам метод не только описан в работе, посвященной изучению этнической идентичности (Татарко, Лебедева, 2011), но и по-прежнему используется в исследованиях для достижения различных задач, будь то анализ этнической идентичности, выявление особенностей и динамики социальной идентичности в молодежной среде, специфики социальных идентичностей в студенческой среде (например, Иванова, 2003; Муращенкова и др., 2023; Румянцева, 2005; Babbitt, Burbach, 1990; Vochner, 1994; Cousins, 1989; Grozev, Easterbrook, 2024; Rhee et al., 1995; Watkins et al., 1997). С другой стороны, ряд приемов использования этого инструмента, применяемого для изучения социальной идентичности, остается вне фокуса внимания отечественных авторов. Это и объясняет наш интерес к обсуждению «Теста двадцати утверждений», его модификаций, а также к некоторым модальностям работы с данными, полученными с его помощью.

Итак, одним из первых способов изучения социальной идентичности можно считать попытку, предпринятую в рамках символического интеракционизма М. Куном и Т. Макпартлендом (Kuhn, McPartland, 1954). Речь идет о «Тесте двадцати утверждений», который изначально был предложен для анализа Я-концепции, но со временем стал широко использоваться как инструмент для изучения идентичности (Иванова, 2003; Татарко, Лебедева, 2011; Deschamps, Moliner, 2008). Суть этого инструмента заключается в том, что респонденту предлагается сформулировать двадцать ответов на вопрос «Кто Я?», при этом ответы должны быть разными, отвечать требуется так, как если бы респондент отвечал сам себе, а не кому-то другому (например, исследователю и пр.). В соответствии с инструкцией предлагается не заботиться о порядке ответов, в оригинальном варианте респондент располагает двенадцатью минутами на формулирование ответов. В основе этого способа измерения идентичности лежит ассоциативная методика, когда в фокусе внимания респондента оказывается он сам (Deschamps, Moliner, 2008), ранг

ассоциации может быть рассмотрен как время реакции на стимул (в логике закона К. Марбе) (Flament, Rouquette, 2003).

В оригинальной версии инструмент рассматривался как способ анализа аттитудов индивида к самому себе, ответы респондентов предполагалось кодировать с помощью дихотомии (консенсусные и субконсенсусные категории, которые в переводе были обозначены как объективные и субъективные (Кун, Макпартленд, 1984)). В первую категорию были отнесены ответы, касающиеся социальных статусов и ролей, другими словами – групповой принадлежности индивидов к малым и большим группам. Во вторую категорию были объединены различного рода характеристики (констатирующего и оценочного толка), индивидуализирующие респондента (Kuhn, McPartland, 1954). Если взглянуть на это дихотомию через призму ключевого вопроса социальной психологии, о котором говорилось выше, то представляется возможным говорить о том, что респонденты, делая себя объектом рефлексии, рассматривают себя через призму социальных и персональных идентичностей. В оригинальной версии вычислялся показатель, оценивающий количество консенсусных ответов, то есть количество самокатегоризаций респондентов как членов различных групп. Использование этого инструмента предполагает вычисление согласованности кодировщиков тем или иным способом (Богомолова и др., 2006), достаточно распространенным является показатель *Kanna* Коэна (Cohen, 1960)).

Семь десятилетий прошло с момента выхода в свет работы М. Куна и Т. Макпартленда, предложенный инструмент для анализа идентичности подвергался многочисленной критике, касающейся валидности самой методики (Bochner, 1994). Критики указывали на неясность в отношении идентичностей, через призму которых индивиды рассматривают себя. Кроме того, можно говорить о том, что остается открытым вопрос, какую именно социальную идентичность индивид получает в этих группах позитивную или негативную и пр. (Deschamps, Moliner, 2008).

Критические замечания отчасти стали источником модификаций инструмента (Bochner, 1994; Watkins et al., 1997). При этом метод анализа идентичности, разработанный в рамках символического интеракционизма, используется для решения задач, связанных с измерением социальной идентичности, в рамках других подходов, в частности, в рамках подхода социальной идентичности (Белинская, 2006; Иванова, 2003).

Анализ литературы позволяет говорить о существовании разнообразных модификаций изначальной системы кодирования (или категориальной сетки, используемой для анализа ответов), а также самого инструмента и процедуры его использования. Количество кодов (или категорий и подкатегорий) варьирует от 2 до 59, что определяется целями исследования, используется сокращенная процедура, где вместо двадцати ответов респондентам предлагается сформулировать семь ответов, сами же ответы взвешиваются или нет (Bochner, 1994; Cousins, 1989; Rhee et al., 1995).

Т. Макпартленд с коллегами уже в 1961 году модифицировали кодировочную систему, предложив конкретизировать каждую из изначальных категорий с помощью двух соответствующих (McPartland et al., 1961): категория **A**: Я как физическая структура в пространстве и во времени; категория **B**: Я через призму социальной структуры; категория **C**: Я – вне социальной структуры, то есть чувства, действия и реакции вне прямых указаний на социальную структуру (хотя другие имплицитно присутствуют в ответах, относящихся к этой категории); категория **D**: Я вне связи с физическим, социальной структурой, вне социального взаимодействия, своего рода абстрактное Я. Логика этой системы такова, что категории А и В, взятые вместе, предшествуют категориям С и D.

В последующих исследованиях предлагались новые категориальные сетки (Bochner, 1994; Cousins, 1989; Rhee et al., 1995). В кросскультурных исследованиях модификации системы кодов были подчинены сравнению Я-концепции представителей различных культур (так называемых западных и незападных культур, культур индивидуализма и коллективизма). В частности, в работе С. Бочнера категориальная сетка включала следующие категории: идиоцентрические характеристики (утверждения об особенностях, состояниях, чертах личности вне связи с другими людьми); аллоцентрические характеристики (утверждения, указывающие на взаимозависимости, реакции на других людей), а также указания на принадлежность к большим группам и указания на принадлежность к малым группам (Bochner, 1994).

В категориальной сетке, предложенной Р. Гордоном (Deschamps, Moliner, 2008), открывалась возможность детализировать социальную и персональную идентичности: 1) характеристики, относящиеся к категориям, к которым человек принадлежит при рождении, или к возложенным на него определенным функциям (пол, этническое и национальное происхождение, религия); 2) роли и привязанности, которые касаются семейных ролей (мать, сестра, брат и т. д.), характеристики, указывающие на политическую ориентацию или профессиональные группы; 3) абстрактные, экзистенциальные идентификации и идеологические убеждения (человек, индивид и пр.); 4) интересы и занятия (интеллектуальные интересы, художественная деятельность и т. д.); 5) личностные характеристики (к ним предлагается отнести моральные ценности, автономию, восприятие единства Я, индивидуальные способности и т. д.).

Даже на примере этих нескольких категориальных сеток, разработанных для анализа ответов респондентов на вопрос «Кто Я?», очевидно, что исследователи имеют значительные степени свободы, позволяющие им использовать метод в соответствии с конкретными целями. Для нас же важным является потенциал этого инструмента для измерения социальной и персональной идентичностей.

В исследовании Д. Ваткинса с коллегами (Watkins et al., 1994) была продемонстрирована правомерность использования сокращенного варианта

опросника. Исследователи отмечали, что зачастую после 10 ответов испытуемые дают либо синонимичные ответы, либо такие варианты, которые попадают в категорию «другое», поскольку не несут смысловой нагрузки, достаточно абстрактны, поэтому эмпирическая проверка позволила говорить о применимости сокращенной версии методики Куна и Макпартленда.

На возможность использования сокращенного варианта методики (шесть ответов вместо двадцати) указывают и отечественные авторы (Татарко, Лебедева, 2011). Так или иначе внесение ограничений на количество ответов обладает не только прагматическим интересом (объем работы с полученными данными значительно облегчается), но вносит определенность относительно соотношения социальных и персональных идентичностей.

Логика взвешивания ответов различна: используется процентное соотношение тех или иных категорий (Watkins et al., 1994), ранжируются ответы, данные респондентами, что позволяет вычислять соответствующие суммарные или усредненные показатели для интересующих категорий.

В инструкции методики говорится о том, что порядок ответов не имеет значения. С учетом ассоциативной природы ответов, апеллируя к традиции использования методики свободных ассоциаций в теории социальных представлений, можно говорить о том, что спонтанная последовательность ответов не совпадает с последовательностью, основанной на важности ответов (Moliner, Lo Monaco, 2017). По сути, мы имеем дело с различными процессами – автоматическими и контролируруемыми. Изучая особенности социальной идентичности в подростково-молодежной среде в связи с проблемой радикализации, определенный интерес представляет сравнение того, какова последовательность ответов, указывающих на социальную и персональную идентичности в случае автоматических и контролируемых когнитивных процессов, актуализируемых различными инструкциями (спонтанные ответы или ранжирование ответов самим респондентами в зависимости от важности).

Сказанное выше позволяет заключить, что, несмотря на критический взгляд на инструмент измерения идентичности, его широкое использование в течение 70 лет свидетельствует только в пользу гибкости «Теста двадцати утверждений» М. Куна и Т. Макпартленда, его потенциала и возможностей.

Другой инструмент измерения социальной идентичности, основанный на ассоциативном методе, который в некотором смысле разрешает проблемы «Теста двадцати утверждений», – так называемый «психосоциальный инвентарь идентичности», был предложен М. Заваллони (Deschamps, Moliner, 2008).

В основе этого способа измерения социальной идентичности лежит идея изучения когнитивной структуры, связанной с представлениями. Суть этого способа сводится к выявлению личностного полюса идентичности и социального полюса идентичности (собственно – персональной и социальной идентичностей в терминах подхода социальной идентичности).

На первом этапе респондентам предлагается высказать свободные ассоциации, относительно различных групп. Само задание сформулировано

так: «Мы...» или «Они...» (например, «Мы, психологи...» и «Они, психологи...»). Среди различных социальных категорий, которые представляют интерес для исследования: нация, пол, религия, профессия, социальный класс, группы, выделяемые на основе политической ориентации, возрастная группа и семья (Deschamps, Moliner, 2008).

На втором этапе респондентам предлагается ответить на ряд вопросов, которые позволяют оценить важность, а также валентность ассоциаций, выработанных на первом этапе. Кроме того, вопросы, касающиеся существования различий между ответами на вопросы, относительно «Мы..» и «Они...». Идет ли речь о категории в целом или респонденты усматривают конкретные подгруппы; отвечая на вопросы, оценивали ли они каждую группу или категорию саму по себе, высказывали ли они свое собственное мнение или мнение других, и пр.

Несомненно, данный вариант измерения социальной идентичности оказывается многомерным, еще раз отметим, что он позволяет преодолеть ограничения, которые содержатся в оригинальной методике М. Куна и Т. Макпартленда (касающиеся отсутствия ответа на вопрос о значимости той или иной социальной идентичности), сохраняя преимущества, связанные с использованием ассоциативного метода. В то же самое время – этот способ анализа идентичности достаточно объемен, что затрудняет его применимость в логике модели оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде.

Шкалы для измерения социальной идентичности

Традиционным способом измерения социальной идентичности являются шкалы, разработанные в рамках различных моделей, которые так или иначе отсылают к идеям Г. Тэшфела (Tajfel, 1972; Tajfel, 1982).

В рамках подхода социальной идентичности среди прочих различают два ключевых понятия: социальная идентификация и социальная идентичность. С одной стороны, социальная идентификация и социальная идентичность – не есть одно и то же. Как подчеркивают Т. Постмес с коллегами (Postmes et al., 2013), социальная идентичность указывает на группу как воспринимаемую сущность, как следствие, речь идет о групповых нормах и отношении к аут-группе, то есть о социально разделенных когнициях. В случае идентификации делается указание на отношение индивида к группе, то есть указания на разделенные когниции отсутствует. А. Хаслам, ссылаясь на концептуализацию К. МакГарти с коллегами (Haslam, 2004), отмечает, что социальная идентификация и так называемая *выпуклость* социальной идентичности есть взаимосвязанные динамические процессы, которые подпитывают друг друга. Социальная идентификация указывает на относительно устойчивую идентификацию индивида с группой, своего рода готовность использовать определенную социальную категорию для самоопределения, в то время как *выпуклость* социальной идентичности указывает на реакции

индивида на определенный контекст, готовность взаимодействовать в соответствии с определенной самокатегоризацией (Haslam, 2004).

Как отмечает А. Хаслам (Haslam, 2004), ряд шкал позволяет измерять оба эти состояния. С другой стороны, в некоторых работах понятия социальной идентификации и социальной идентичности используются как взаимозаменяемые (Reysen et al., 2013).

В «Новой психологии здоровья» А. Хаслама с коллегами (Haslam et al., 2018) в разделе, посвященном измерению социальной идентичности, предлагается ряд инструментов, в частности, речь идет о шкалах для измерения социальной идентификации, множественных идентичностей, различных аспектов социальной идентичности, силы персональной идентичности, однако инструмента, который бы измерял социальную идентичность, не предлагается.

Как отмечает Р. Браун, интерес исследователей к разработке шкал для измерения социальной идентичности определяется необходимостью проверить ряд предположений теории социальной идентичности, согласно которым: существует связь между силой идентификации и внутригрупповым фаворитизмом, межгрупповые процессы модулируются силой социальной идентификации (Brown, 2020). Изначально, как подчеркивает Браун, Г. Тэшфел не ставил перед собой задачи разработать валидный инструмент для измерения социальной идентичности (Brown, 2020).

Начиная с 1980-х годов XX века проблема измерения социальной идентичности оказалась в фокусе самого пристального внимания исследователей (Haslam, 2004; Postmes et al., 2013; Reysen et al., 2013), как следствие, в литературе можно обнаружить целый ряд инструментов, которые используются для измерения социальной идентификации. В 80–90-х годах предлагаются одномерные инструменты для измерения социальной идентификации, исследователи исходили из идеи о том, что социальная идентичность – это единый конструкт, предлагая для измерения от 1 до 10 пунктов (Haslam, 2004; Postmes et al., 2013; Reysen et al., 2013).

В конце 90-х годов разрабатываются многомерные инструменты, включающие субшкалы. основополагающим постулатом в этом случае является идея о необходимости различать составляющие социальной идентичности (эмоциональная привязанность к группе, например, не тождественна осознанию своей принадлежности к группе). Суть и количество субшкал различаются (количество субшкал варьирует от 2 до 7, что зависит от того, какова исходная теоретическая модель). Сходным образом наблюдаются флуктуации количества пунктов внутри субшкал (оно варьирует от 2 до 24) (Reysen et al., 2013).

К примеру, в методике С. Хинкля с коллегами (Reysen et al., 2013) предлагается различать три субшкалы, каждая из которых направлена на оценку соответствующего измерения: эмоциональная идентификация (4 пункта), оппозиция индивидуального и группового (2 пункта), когнитив-

ные аспекты идентификации (2 пункта). В случае инструмента, предложенного Н. Элемерс с коллегами, оцениваемые измерения субшкал таковы: групповая самооценка (4 пункта), групповая самокатегоризация (3 пункта), приверженность к группе (3 пункта) (Reysen et al., 2013).

Преимущество многомерного инструмента для измерения социальной идентичности над одномерным принимается исследователями по умолчанию (Postmes et al., 2013). Тем не менее, в некоторых случаях использование более короткого инструмента оказывается предпочтительным, что объясняется прагматическими соображениями (например, в случае использования сложного и объемного методического инструментария, повторяющихся измерений, если нужно проверить, что манипуляция выпуклости социальной идентичности сработала и пр.) (Haslam, 2004; Postmes et al., 2013).

Т. Постмес с коллегами предприняли серии исследований, которые позволили создать валидный инструмент для измерения социальной идентификации: респонденту предлагается утверждение, которое нужно оценить по 7-балльной шкале Ликерта (от «совершенно не согласен» до «совершенно согласен»): «Я идентифицируюсь с группой (укажите, пожалуйста, группу)» (Haslam et al., 2018; Postmes et al., 2013).

Для измерения множественных социальных идентичностей Ж. Жеттен с коллегами (Haslam et al., 2018) разработали отдельную методику, которая включает ряд утверждений, согласие или несогласие с каждым из которых оценивается по 7-балльной шкале («Я принадлежу к множеству различных групп», «Я участвую в деятельности многих разных групп», «Я дружу с людьми из разных групп», «У меня крепкие связи со многими группами»).

С одной стороны, использование шкал для измерения социальной идентичности видится своего рода «королевским способом» анализа идентичности. С другой стороны, при всех преимуществах использования шкал, о чем говорится в литературе (Haslam et al., 2018; Postmes et al., 2013), вслед за С. Бентли с коллегами можно усмотреть как минимум две серьезные проблемы использования шкал для анализа социальной идентичности.

Во-первых, у исследователя нет возможности оценить в полной мере сложную систему социальных идентичностей индивида (Bentley et al., 2020). Апеллируя к тезису Г. Тэшфела, представляется возможным говорить о том, что человек обладает рядом социальных и персональных идентичностей, некоторые для него важны, другие – нет (Tajfel, 1982). В том или ином контексте актуализируется определенная социальная идентичность, через призму которой он действует или бездействует. Тем не менее важным представляется узнать, какими социальными идентичностями человек обладает, какие являются важными для него, В случае использования шкал исследователь акцентирует ту или иную социальную идентичность, оставляя за рамками другие. Во-вторых, использование шкал как инструмента анализа социальной идентичности не позволяет оценивать взаимосвязи между социальными

идентичностями, другими словами – совместимость принадлежности к тем или иным группам (Bentley et al., 2020).

Именно эти два недостатка шкал как инструмента анализа социальной идентичности критичны для модели оценки риска радикализации, поскольку ключевым в модели оказывается оценка *множественности* социальных идентичностей (наличие ряда значимых позитивных социальных идентичностей, совместимых друг с другом) (Haslam et al., 2018).

Картографирование социальной идентичности

Серьезный потенциал, позволяющий преодолеть ограничения, характерные для измерения социальной идентичности с помощью шкал, можно усмотреть в методе картографирования социальной идентичности (Bentley et al., 2023; Haslam et al., 2018), который появился относительно недавно и начинает активно использоваться.

Как отмечают С. Бентли с коллегами, в зачаточной форме логика картографирования социальной идентичности возникла в рамках программы, разработанной для организационного контекста (Bentley et al., 2020). Т. Крувис с коллегами реализовали серии исследований (со сложной методологией и на значительной по объему выборке респондентов), что позволило оценить внутреннюю согласованность инструмента, проверить конвергентную и дискриминантную валидность, другими словами, продемонстрировать, что картографирование является надежным и валидным инструментом для анализа социальной идентичности (Cruwys et al., 2016).

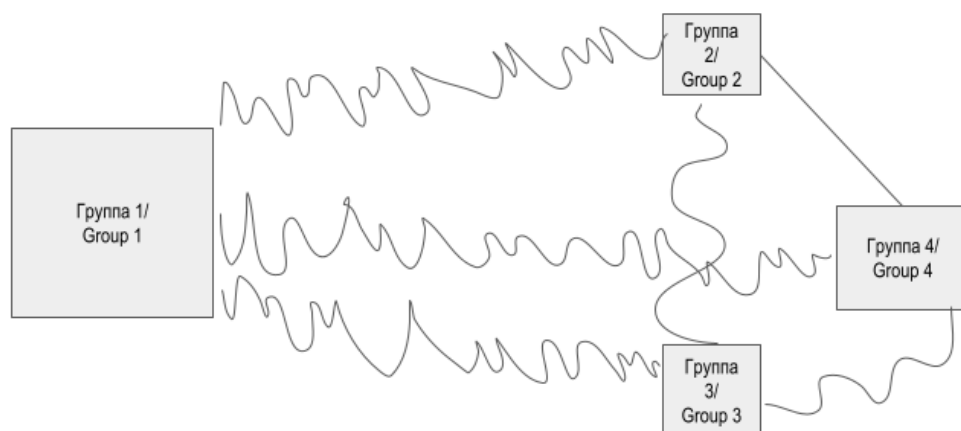
Процедура картографирования стала использоваться в рамках психологии здоровья для оценки эффективности вторичной и третичной профилактики (Bentley et al., 2020; Haslam et al., 2018). Итак, суть этого метода сводится к следующему: респондентам предлагается подумать обо всех социальных группах, к которым он принадлежит, и указать названия этих групп на соответствующих стикерах различного формата (большой формат соответствует большей важности группы для индивида, средний формат – средней важности группы; маленький формат – малой важности) (Bentley et al., 2020; Bentley et al., 2023; Haslam et al., 2018). Далее, используя 10-балльную шкалу Ликерта, предлагается оценить каждую группу по ряду критериев, например: 1) чувства, которые респондент испытывает в связи со своим членством в каждой группе; 2) собственная прототипичность в случае каждой группы; 3) поддержка (получаемая от других членов группы и оказываемая им). Для оценки времени, проводимого с каждой группой, предлагается использовать шкалу от 0 до 30 (Haslam et al., 2018). Каждая оценка по критерию фиксируется на стикере. Обратим внимание, что критерии, по которым оценивается групповая принадлежность, варьируют, это определяется целями исследования социальной идентичности.

На следующем этапе похожие группы предлагается расположить вместе, а отличающиеся – порознь. Наконец, респонденту необходимо указать

совместимость принадлежности к различным группам одновременно. Для этого используются линии различных типов: прямая линия указывает на то, что совмещать принадлежность к группам легко, волнистая линия свидетельствует о средней степени легкости совмещения принадлежности к группам; зигзагообразная линия указывает на то, что совмещать принадлежность к группам сложно (рис.1).

Картографирование социальной идентичности открывает перед исследователем возможность анализа интересующего конструкта по ряду ключевых измерений, сформулированных в рамках подхода социальной идентичности (Ellemers, Haslam, 2012; Haslam et al., 2018; Tajfel, 1982).

Другими словами, благодаря этому современному методу визуализации социальных идентичностей перед исследователем открывается возможность оценить количество и качество этих идентичностей человека.

Рис. 1. Пример карты социальных идентичностей
Figure 1. Example of a social identity map

Примечание. Размер стикера указывает на важность группы, линии – на совместимость социальных идентичностей. Прямая линия, соединяющая группы 2 и 4 указывает на совместимость членства в этих группах. Волнистая линия, соединяющая группы 2 и 3 (или группу 3 и группу 4), свидетельствует, что членство в этих группах в средней степени совместимо. Наконец, зигзагообразная линия, соединяющая группу 1 со всеми группами, говорит о том, что эти социальные идентичности в значительной степени трудно совместить, при этом членство в группе 1 важнее всего для респондента. Оценки групповой принадлежности по ряду критериев (по 10-балльной шкале) Ликерта указываются в соответствующих углах каждого стикера.

На рисунке представлена воображаемая карта, нарисованная авторами для иллюстрации метода.

Note. The size of the sticker indicates the importance of the group; the lines indicate the compatibility of social identities. The straight line connecting Group 2 and Group 4 indicates compatibility of membership in these groups. The wavy line connecting Group 2 and Group 3 (or Group 3 and Group 4) indicates that membership in these groups is moderately compatible. Finally, the zigzag line connecting Group 1 with all groups indicates that these social identities are highly incompatible, with membership in Group 1 being the most important to the respondent. Assessments of group membership on a number of criteria (on a 10-point Likert scale) are indicated in the corresponding corners of each sticker.

The figure shows an imaginary map drawn by the authors to illustrate the method.

Онлайн-версия картографирования социальной идентичности открывает возможность проведения исследования на значительной (по своему объему) выборке (Bentley et al., 2020) и является современным методом исследования.

Несомненно, и этому методу анализа социальной идентичности присущи определенные недостатки, однако они касаются скорее сложности использования методики в аудиторном опросе, поскольку предлагается взаимодействие с исследователем. Онлайн-версия существует в англоязычном варианте (Bentley et al., 2020), однако ее адаптация и использование в отечественном контексте – дело будущего (поскольку предполагает использование соответствующего программного обеспечения).

Этот способ анализа социальной идентичности в значительной степени отвечает задаче операционализации модели оценки риска радикализации, поскольку он позволяет выявить особенности социальной идентичности представителей подростково-молодежной среды. Кроме того, в эпоху визуальной риторики (Rose, 2014) этот инструмент анализа социальной идентичности оказывается наиболее *современным* и адаптированным методом для исследования, реализуемого в подростково-молодежной среде.

Модель оценки риска радикализации опирается на идею о множественности социальной идентичности (наличие у индивида ряда позитивных значимых социальных идентичностей, совместимых друг с другом) (Haslam et al., 2018), поэтому очевидно, что именно эти критерии оказываются первостепенными для оценки индивидом. Оценивая количество и качество социальных идентичностей, этот метод позволяет фиксировать, на какие именно групповые принадлежности индивид указывает, называются ли большие или малые группы. Этот аспект также является важным в логике модели оценки риска.

Более того, в логике модели оценки риска радикализации предлагается использование сложной методологической стратегии, включающей на одном этапе (в случае аудиторного опроса) сокращенную версию «Теста двадцати утверждений» с последующей процедурой взвешивания ответов, а на втором этапе – использование картографирования социальной идентичности в рамках глубинного интервью.

Если развивать идею о том, что модель оценки риска позволит выявить уязвимых к радикализации представителей подростково-молодежной среды, то логично предполагать разработку специальных превентивных мер, нацеленных на дерадикализацию (Бовин и др., 2021). Отсюда – повторная диагностика с помощью картографирования социальной идентичности позволила бы оценить динамику социальных идентичностей индивида в результате воздействия превентивных мероприятий, по аналогии с тем, как это делается в профилактических интервенциях в рамках психологии здоровья (Bentley et al., 2020; Haslam et al., 2018).

Заключение

Итак, цель обзора, представленного в статье, заключалась в анализе методов измерения социальной идентичности (основанных на использовании ассоциативной методики, шкал и картографирования). Такой фокус

внимания обусловлен поиском адекватного инструмента, который позволил бы выявить и проанализировать особенности социальной идентичности в рамках модели оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде (Дворянчиков и др., 2023).

Предпринятый анализ методов изучения социальной идентичности позволяет говорить о том, что классический инструмент, основанный на ассоциативной методике («Тест двадцати утверждений», предложенный М. Куном и Т. Макпартлендом (Kuhn, McPartland, 1954) семь десятилетий назад), по-прежнему используется исследователями для измерения социальной идентичности (Муращенкова и др., 2023; Grozev, Easterbrook, 2024). Стоит отметить, что классическая процедура претерпела ряд модификаций – как с точки зрения сбора ассоциативных ответов, так и процедуры обработки (Bochner, 1994; Cousins, 1989; Rhee et al., 1995; Watkins et al., 1997); в отечественной литературе модификации связаны преимущественно с категориальной сеткой, которую предлагают исследователи в соответствии с той или иной задачей (Богомолова и др., 2006; Румянцева, 2005).

Использование шкал для изучения социальной идентичности является традиционным способом анализа социальной идентичности, в исследованиях используются одномерные и многомерные инструменты, включающие различное количество субшкал (от 2 до 7), а также разнящиеся по количеству пунктов (от 2 до 24), что соответствует той или иной концептуализации социальной идентичности (Reyssen et al., 2013).

Картографирование социальной идентичности является современным методом, который преодолевает ограничения, характерные для шкал как инструмента анализа социальной идентичности. Картографирование социальной идентичности позволяет оценивать количество и качество социальных идентичностей человека. Благодаря методу визуализации социальных идентичностей этот инструмент легко использовать в исследованиях, реализуемых на представителях подростково-молодежной среды, поскольку для них изображения обладают легитимной властью (Kalmus, 2007). Вслед за Т. Крувис с коллегами (Cruwys et al., 2016) представляется возможным говорить о том, что картографирование социальной идентичности обладает ценностью не только как инструмент анализа социальной идентичности, но и благодаря тому вкладу, который метод вносит в дальнейшее развитие теории социальной идентичности.

Если взглянуть на проанализированные инструменты изучения социальной идентичности через призму модели оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде, то следует отметить: применение шкал требует их соответствующей адаптации. Ассоциативная методика («Тест двадцати утверждений») и процедуры картографирования – более гибкие инструменты, они просты в обращении; именно эти два способа анализа социальной идентичности в наибольшей степени соответствуют логике модели оценки риска радикализации.

Использование сокращенного варианта «Теста двадцати утверждений» с последующей процедурой взвешивания ответов открывает возможность прояснить, с какими именно группами индивид идентифицирует себя, а также оценить их важность для него. Благодаря этой процедуре представляется возможным получить ответ на вопрос о наличии или отсутствии у индивида множественной социальной идентичности, а также оценить, какие именно группы дают индивиду эти идентичности (большие или малые), идентифицируется ли он с высокоэнтитативными группами.

Обращение к картографированию социальной идентичности позволяет получить отличающуюся оценку социальных идентичностей индивида, ответить на вопрос об их количестве и качестве. Очевидно, что этот способ анализа социальной идентичности в подростково-молодежной среде позволяет вскрыть иные особенности. Рассматривая модель оценки риска радикализации как базу для последующей разработки инструмента для мониторинга подростково-молодежной среды, можно допустить использование сложной методологической стратегии, включающей на одном этапе (в рамках аудиторного опроса) сокращенную версию «Теста двадцати утверждений» с последующей процедурой взвешивания ответов, а на втором этапе – использование картографирования социальной идентичности в случае выявления потенциально уязвимых индивидов (в рамках глубинного интервью).

Список литературы

- Агеев В.С.* Психология межгрупповых отношений. М.: Изд-во МГУ, 1983. 144 с.
- Андреева Г.М.* Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2014. 252 с.
- Белинская Е.П.* Идентичность личности в условиях социальных изменений: автореф. дисс. ... докт. психол. наук. М.: Изд-во МГУ, 2006. 50 с.
- Бовин Б.Г., Бовина И.Б., Тихонова А.Д.* Радикализация: социально-психологический взгляд (Часть III) // Психология и право. 2021. Т. 11. № 1. С. 181–194. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110114>
- Бовина И.Б., Бовин Б.Г., Тихонова А.Д.* Радикализация: социально-психологический взгляд (Часть I) // Психология и право. 2020. Т. 10. № 3. С. 120–142. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100309>
- Богомолова Н.Н., Малышева Н.Г., Стефаненко Т.Г.* Контент-анализ // Социальная психология: Практикум: Учеб, пособие для студентов вузов / под ред. Т.В. Фоломеевой. М.: Аспект Пресс, 2006. С. 131–162.
- Дворянчиков Н.В., Бовин Б.Г., Мельникова Д.В., Белова Е.Д., Бовина И.Б.* Риск радикализации в подростковой среде: теория, факты и комментарии // Социальная психология и общество. 2023. Т. 14. № 4. С. 23–37. <https://doi.org/10.17759/sps.2023140402>
- Иванова Н.Л.* Проблема психологического анализа социальной идентичности // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т. 3. № 4. С. 14–38.
- Иванова Н.Л.* Психологическая структура социальной идентичности: автореф. дисс... докт. психол. наук. Ярославль: ЯрГУ, 2003. 51 с.
- Кун М., Макпартленд Т.* Эмпирические исследования установок личности на себя // Современная зарубежная социальная психология. Тексты / ред. Г.М. Андреева, Н.Н. Богомолова, Л.А. Петровская. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 180–188.

- Мураценкова Н.В., Гриценко В.В., Калинина Н.В., Константинов В.В., Кулеш Е.В., Маленова А.Ю., Малышев И.В. Отношение к патриотизму и патриотическая самоидентичность российской студенческой молодежи в условиях поляризации российского общества // Социальная психология и общество. 2023. Т. 14. № 4. С. 68–88. <https://doi.org/10.17759/sps.2023140405>
- Румянцева Т.В. Трансформация идентичности студентов медицинского вуза в меняющихся социальных условиях: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Ярославль: ЯрГУ, 2005. 28 с.
- Стефаненко Т.Г. Социальная психология этнической идентичности: автореф. дисс. ... докт. психол. наук. М.: МГУ, 1999. 46 с.
- Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Методы исследования этнической идентичности // Методы этнической и кросскультурной психологии: учебно-метод. пособие. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2011. С. 13–14.
- Шихирев П.Н. Современная социальная психология: учеб. пособие для студентов вузов. М.: ИП РАН, 1999. 447 с.
- Babbitt C.E., Burbach H.J. A comparison of self-orientation among college students across the 1960s, 1970s and 1980s // Youth & Society. 1990. Vol. 21. No. 4. Pp. 472–482. <https://doi.org/10.1177/0044118x90021004003>
- Bentley S.V., Greenaway K.H., Haslam S.A., Cruwys T., Steffens N.K., Haslam C., Cull B. Social identity mapping online // Journal of Personality and Social Psychology. 2020. Vol. 118. No 2. Pp. 213–241. <https://doi.org/10.1037/pspa0000174>
- Bentley S.V., Haslam S.A., Greenaway K.H., Cruwys T., Steffens N. A picture is worth a thousand words: Social identity mapping as a way of visualizing and assessing social group connections // Handbook of Research Methods for Studying Identity In and Around Organizations / Ed. by I. Winkler, S. Reissner, R. Cascón-Pereira. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, 2023. Pp. 87–102. <https://doi.org/10.4337/9781802207972.00018>
- Bochner S. Cross-cultural differences in the self concept: A test of Hofstede's individualism/collectivism distinction // Journal of Cross-Cultural Psychology. 1994. Vol. 25. No 2. Pp. 273–283. <https://doi.org/10.1177/0022022194252007>
- Brown R. The social identity approach: Appraising the Tajfellian legacy // British Journal of Social Psychology. 2020. Vol. 59. No 1. Pp. 5–25. <https://doi.org/10.1111/bjso.12349>
- Campbell D.T. Common fate, similarity, and other indices of the status of aggregates of persons as social entities // Behavioral Science. 1958. Vol. 3. No 1. Pp. 14–25. <https://doi.org/10.1002/bs.3830030103>
- Cohen J. A coefficient of agreement for nominal scales // Educational and Psychological Measurement. 1960. Vol. 20. No 1. Pp. 37–46. <https://doi.org/10.1177/001316446002000104>
- Cousins S.D. Culture and self-perception in Japan and the United States // Journal of Personality and Social Psychology. 1989. Vol. 56. No 1. Pp. 124–131. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.56.1.124>
- Cruwys T., Steffens N.K., Haslam S.A., Haslam C., Jetten J., Dingle G.A. Social identity mapping: A procedure for visual representation and assessment of subjective multiple group memberships // British Journal of Social Psychology. 2016. Vol. 55. No 4. Pp. 613–642. <https://doi.org/10.1111/bjso.12155>
- Deschamps J.-C., Moliner P. L'identité en psychologie sociale: Des processus identitaires aux représentations sociales. Paris: Armand Colin, 2008. 186 p.
- Ellemers N., Haslam S.A. Social identity theory // Handbook of Theories of Social Psychology: Volume 2 / Ed. by P.A. Van Lange, A.W. Kruglanski, E.T. Higgins. London: SAGE Publications Ltd., 2012. Pp. 379–398. <https://doi.org/10.4135/9781446249222.n45>

- Fernandez C., de Lasala F.* Risk Assessment in Prison. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2021. 26 p. URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/networks/radicalisation-awareness-network-ran/publications/risk-assessment-prison-2021_en (accessed: 26.04.2024).
- Flament C., Rouquette M.-L.* Anatomie des idées ordinaires. Comment étudier les représentations sociales. Paris: Armand Colin, 2003. 176 p.
- Grozev V.H., Easterbrook M.J.* The identities of employed students: Striving to reduce distinctiveness from the typical student // *Analyses of Social Issues and Public Policy*. 2024. Pp. 1–22. <https://doi.org/10.1111/asap.12403>
- Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S.A.* The New Psychology of Health: Unlocking the Social Cure. London: Routledge, 2018. 510 p. <https://doi.org/10.4324/9781315648569>
- Haslam S.A.* Measurement of social and organizational identification // *Psychology in Organizations: The Social Identity Approach*. London: SAGE Publications Ltd., 2004. Pp. 271–274. <https://doi.org/10.4135/9781446278819>
- Herrington V., Roberts K.* Risk assessment in counterterrorism // *Countering Terrorism: Psychosocial Strategies* / Ed. by U. Kumar, M.K. Mandal. London: SAGE Publications Ltd., 2012. Pp. 282–305.
- Hogg M.A.* Self-uncertainty, social identity and the solace of extremism // *Extremism and psychology of uncertainty* / Ed. by M.A. Hogg, D.L. Blaylock. Oxford: Wiley-Blackwell, 2012. Pp. 19–35. <https://doi.org/10.1002/9781444344073.ch2>
- Hogg M.A.* Uncertain self in a changing world: A foundation for radicalisation, populism, and autocratic leadership // *European Review of Social Psychology*. 2021. Vol. 32. No 2. Pp. 235–268. <https://doi.org/10.1080/10463283.2020.1827628>
- Hogg M.A.* Uncertainty-identity theory // *Advances in experimental social psychology* / Ed. by M.P. Zanna. San Diego, CA: Elsevier Academic Press, 2007. Vol. 39. Pp. 69–126. [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(06\)39002-8](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(06)39002-8)
- Hogg M.A., Kruglanski A., Van den Bos K.* Uncertainty and the roots of extremism // *Journal of Social Issues*. 2013. Vol. 69. No 3. Pp. 407–418. <https://doi.org/10.1111/josi.12021>
- Kalmus V.* Socialization in the changing information environment: Implications for media literacy // *Media Literacy: A Reader* / Ed by D. Macedo, S.R. Steinberg. New York: Peter Lang, 2007. Pp. 157–165.
- King M., Taylor D.M.* The radicalization of homegrown Jihadists: A review of theoretical models and social psychological evidence // *Terrorism and Political Violence*. 2011. Vol. 23. No 4. Pp. 602–622. <https://doi.org/10.1080/09546553.2011.587064>
- Kuhn M.H., McPartland T.S.* An empirical investigation of self-attitudes // *American Sociological Review*. 1954. Vol. 19. No 1. Pp. 68–76. <https://doi.org/10.2307/2088175>
- Lickel B., Hamilton D.L., Sherman S.J.* Elements of a lay theory of groups: Types of groups, relational styles, and the perception of group entitativity // *Personality and Social Psychology Review*. 2001. Vol. 5. No 2. Pp. 129–140. https://doi.org/10.1207/s15327957pspr0502_4
- Lickel B., Hamilton D.L., Wierzchowska G., Lewis A., Sherman S.J., Uhles A.N.* Varieties of groups and the perception of group entitativity // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2000. Vol. 78. No 2. Pp. 223–246. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.78.2.223>
- Lloyd M.* Extremist risk assessment: A directory // Centre for Research and Evidence on Security Threats (CREST). 2019. URL: <https://crestresearch.ac.uk/resources/extremism-risk-assessment-directory/> (accessed: 26.04.2024).
- McPartland T.S., Cumming J.H., Garretson W.S.* Self-conception and ward behavior in two psychiatric hospitals // *Sociometry*. 1961. Vol. 24. No 2. Pp. 111–124. <https://doi.org/10.2307/2786061>
- Moliner P., Lo Monaco G.* Méthodes d'association verbale pour les sciences humaines et sociales: Fondements conceptuels et aspects pratiques. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 2017. 190 p.

- Postmes, T., Haslam S.A., Jans L. A single-item measure of social identification: Reliability, validity, and utility // *British Journal of Social Psychology*. 2013. Vol. 52. No 4. Pp. 597–617. <https://doi.org/10.1111/bjso.12006>
- Reysen S., Katzarska-Miller I., Nesbit S.M., Pierce L. Further validation of a single-item measure of social identification // *European Journal of Social Psychology*. 2013. Vol. 43. No 6. Pp. 463–470. <https://doi.org/10.1002/ejsp.1973>
- Rhee E., Uleman J.S., Lee H.K., Roman R.J. Spontaneous self-descriptions and ethnic identities in individualistic and collectivistic cultures // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995. Vol. 69. No 1. Pp. 142–152. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.69.1.142>
- Rose G. On the relation between 'visual research methods' and contemporary visual culture // *The Sociological Review*. 2014. Vol. 62. No 1. Pp. 24–46. <https://doi.org/10.1111/1467-954x.12109>
- Sarma K.M. Risk assessment and the prevention of radicalization from nonviolence into terrorism // *American Psychologist*. 2017. Vol. 72. No 3. Pp. 278–288. <https://doi.org/10.1037/amp0000121>
- Swann W.B. Jr., Gómez A., Seyle D.C., Morales J.F., Huici C. Identity fusion: The interplay of personal and social identities in extreme group behavior // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009. Vol. 96. No 5. Pp. 995–1011. <https://doi.org/10.1037/a0013668>
- Tajfel H. La catégorisation sociale // *Introduction à la psychologie sociale* / Ed. by S. Moscovici. Paris: Larousse, 1972. Pp. 272–302.
- Tajfel H. Social psychology of intergroup relations // *Annual Review of Psychology*. 1982. Vol. 33. No 1. Pp. 1–39. <https://doi.org/10.1146/annurev.ps.33.020182.000245>
- Turner J.C. Towards a cognitive redefinition of the social group // *Social identity and intergroup relations* / Ed. by H. Tajfel. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. Pp. 15–40.
- Watkins D., Yau J., Dahlin B., Wondimu H. The Twenty Statements Test: Some measurement issues // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 1997. Vol. 28. No 5. Pp. 626–633. <https://doi.org/10.1177/0022022197285007>

История статьи:

Поступила в редакцию 23 марта 2024 г.

Принята к печати 5 мая 2024 г.

Для цитирования:

Бовина И.Б., Бовин Б.Г. Обзор методов анализа социальной идентичности: проблемы и перспективы их разрешения // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2024. Т. 21. № 2. С. 633–656. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2024-21-2-633-656>

Вклад авторов:

Авторы внесли равный вклад в концептуализацию исследования, отбор и анализ литературы, написание, редактирование и оформление текста статьи.

Заявление о конфликте интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторах:

Бовина Инна Борисовна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (Российская Федерация, 127051,

Москва, Сретенка, 29). ORCID: 0000-0002-9497-6199, SPIN-код: 9663-3747, AuthorID: 276224. E-mail: innabovina@yandex.ru

Бовин Борис Георгиевич, кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, ФКУ Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (Российская Федерация, 125130, Москва, Нарвская, 15А, стр. 1), ORCID: 0000-0001-9255-7372. E-mail: bovinbg@yandex.ru

DOI: 10.22363/2313-1683-2024-21-2-633-656

EDN: MAIMEA

UDC 159.99

Review article

Methods of Social Identity Analysis: Problems and Prospects for Their Resolution (Brief Review)

Inna B. Bovina¹ , Boris G. Bovin²

¹Moscow State University of Psychology and Education,
Moscow, Russian Federation

²Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation

 innabovina@yandex.ru

Abstract. What are the methods of social identity analysis in terms of the radicalization risk assessment model? The answer to this question determines the aim of the proposed brief review. On the one hand, the model of assessing the risk of radicalization in adolescence and youth is based on the ideas of the social identity approach as well as on the uncertainty-identity model. As a result, the predominant interest is directed towards the methods developed in the field of social identity approach. On the other hand, it seems possible to expand the scope of analysis, including the tools used in other theoretical frameworks. By integrating these two lines of research, three main types of social identity analysis tools (associative technique tools, scales, and social identity mapping) are identified and critically analyzed. Conclusions are made about the advantages of each social identity measurement tool. In addition, it is emphasized that within the framework of the risk assessment model, it would be most appropriate to develop a complex methodological strategy, including a modified version of the *Twenty Statements Test*, followed by social identity mapping.

Key words: social identity, associative methodology, twenty statements test, social identity mapping, social identity measurement, radicalization risk assessment.

References

- Ageev, V.S. (1983). *Psychology of intergroup relations*. Moscow: Lomonosov Moscow State University Publ. (In Russ.)
- Andreeva, G.M. (2014). *Psychology of social cognition*. Moscow: Aspekt Press Publ. (In Russ.)

- Babbitt, C.E., & Burbach, H.J. (1990). A comparison of self-orientation among college students across the 1960s, 1970s and 1980s. *Youth & Society*, 21(4), 472–482. <https://doi.org/10.1177/0044118x90021004003>
- Belinskaya, E.P. (2006). *Identity of personality in the conditions of social change*. Doctor in Psychology Thesis Abstract. Moscow: MSU. (In Russ.)
- Bentley, S.V., Greenaway, K.H., Haslam, S.A., Cruwys, T., Steffens, N.K., Haslam, C., & Cull, B. (2020). Social identity mapping online. *Journal of Personality and Social Psychology*, 118(2), 213–241. <https://doi.org/10.1037/pspa0000174>
- Bentley, S.V., Haslam, S.A., Greenaway, K.H., Cruwys, T., & Steffens, N. (2023). A picture is worth a thousand words: Social identity mapping as a way of visualizing and assessing social group connections. In I. Winkler, S. Reissner, R. Cascón-Pereira (Eds.). *Handbook of Research Methods for Studying Identity In and Around Organizations* (pp. 87–102). Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing. <https://doi.org/10.4337/9781802207972.00018>
- Bochner, S. (1994). Cross-cultural differences in the self concept: A test of Hofstede's individualism/collectivism distinction. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 25(2), 273–283. <https://doi.org/10.1177/0022022194252007>
- Bogomolova, N.N. Malysheva, N.G., & Stefanenko T.G. (2006). Content analysis. In T.V. Folomeeva (Ed.). *Social psychology: A practical course* (pp. 131–162). Moscow: Aspekt Press Publ. (In Russ.)
- Bovin, B.G., Bovina, I.B., & Tikhonova, A.D. (2021). Radicalisation: A social psychological perspective (Part III). *Psychology and Law*, 11(1), 181–194. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110114>
- Bovina, I.B., Bovin, B.G., & Tikhonova, A.D. (2020). Radicalisation: A social psychological perspective (Part I). *Psychology and Law*, 10(3), 120–142. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100309>
- Brown, R. (2020). The social identity approach: Appraising the Tajfellian legacy. *British Journal of Social Psychology*, 59(1), 5–25. <https://doi.org/10.1111/bjso.12349>
- Campbell, D.T. (1958). Common fate, similarity, and other indices of the status of aggregates of persons as social entities. *Behavioral Science*, 3(1), 14–25. <https://doi.org/10.1002/bs.3830030103>
- Cohen, J. (1960). A coefficient of agreement for nominal scales. *Educational and Psychological Measurement*, 20(1), 37–46. <https://doi.org/10.1177/001316446002000104>
- Cousins, S.D. (1989). Culture and self-perception in Japan and the United States. *Journal of Personality and Social Psychology*, 56(1), 124–131. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.56.1.124>
- Cruwys, T., Steffens, N.K., Haslam, S.A., Haslam, C., Jetten, J., & Dingle, G.A. (2016). Social identity mapping: A procedure for visual representation and assessment of subjective multiple group memberships. *British Journal of Social Psychology*, 55(4), 613–642. <https://doi.org/10.1111/bjso.12155>
- Deschamps, J.-C., & Moliner, P. (2008). *L'identité en psychologie sociale: Des processus identitaires aux représentations sociales*. Paris: Armand Colin.
- Dvoryanchikov, N.V., Bovin, B.G., Melnikova, D.V., Belova, E.D., & Bovina, I.B. (2023). Risk of radicalisation in adolescents: Theory, facts and comments. *Social Psychology and Society*, 14(4), 23–37. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/sps.2023140402>
- Ellemers, N., & Haslam, S.A. (2012). Social identity theory. In P.A. Van Lange, A.W. Kruglanski & E.T. Higgins (Eds.). *Handbook of Theories of Social Psychology: Volume 2* (pp. 379–398). London: SAGE Publications Ltd. <https://doi.org/10.4135/9781446249222.n45>
- Fernandez, C., & de Lasala, F. (2021). *Risk Assessment in Prison*. Luxembourg: Publications Office of the European Union. Retrieved April 26, 2024, from https://home-affairs.ec.europa.eu/networks/radicalisation-awareness-network-ran/publications/risk-assessment-prison-2021_en
- Flament, C., & Rouquette, M.-L. (2003). *Anatomie des idées ordinaires. Comment étudier les représentations sociales*. Paris: Armand Colin.

- Grozev, V.H., & Easterbrook, M.J. (2024). The identities of employed students: Striving to reduce distinctiveness from the typical student. *Analyses of Social Issues and Public Policy*, 1–22. <https://doi.org/10.1111/asap.12403>
- Haslam, C., Jetten, J., Cruwys, T., Dingle, G., & Haslam, S.A. (2018). *The New Psychology of Health: Unlocking the Social Cure*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315648569>
- Haslam, S.A. (2004). Measures of social and organizational identification. In *Psychology in Organizations: The Social Identity Approach* (pp. 271–274). London: SAGE Publications Ltd.
- Herrington, V., & Roberts, K. (2012). Risk Assessment in counterterrorism. In U. Kumar & M.K. Mandal (Eds.), *Countering Terrorism: Psychosocial Strategies* (pp. 282–305). London: SAGE Publications Ltd.
- Hogg, M.A. (2007). Uncertainty-identity theory. In M.P. Zanna (Ed.), *Advances in experimental social psychology*, Vol. 39 (pp. 69–126). San Diego, CA: Elsevier Academic Press. [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(06\)39002-8](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(06)39002-8)
- Hogg, M.A. (2012). Self-uncertainty, social identity, and the solace of extremism. In M.A. Hogg & D.L. Blaylock (Eds.), *Extremism and the psychology of uncertainty* (pp. 19–35). Oxford: Wiley-Blackwell. <https://doi.org/10.1002/9781444344073.ch2>
- Hogg, M.A. (2021). Uncertain self in a changing world: A foundation for radicalisation, populism, and autocratic leadership. *European Review of Social Psychology*, 32(2), 235–268. <https://doi.org/10.1080/10463283.2020.1827628>
- Hogg, M.A., Kruglanski, A., & Van den Bos, K. (2013). Uncertainty and the roots of extremism. *Journal of Social Issues*, 69(3), 407–418. <https://doi.org/10.1111/josi.12021>
- Ivanova, N.L. (2003). *Psychological structure of social identity*. Doctor in Psychology Thesis Abstract. Yaroslavl: YarSU. (In Russ.)
- Ivanova, N.L. (2006). Psychological analysis of social identity. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 3(4), 14–38. (In Russ.)
- Kalmus, V. (2007). Socialization in the changing information environment: Implications for media literacy. In D. Macedo & S.R. Steinberg (Ed.), *Media Literacy: A Reader* (pp. 157–165.). New York: Peter Lang.
- King, M., & Taylor, D.M. (2011). The radicalization of homegrown Jihadists: A review of theoretical models and social psychological evidence. *Terrorism and Political Violence*, 23(4), 602–622. <https://doi.org/10.1080/09546553.2011.587064>
- Kuhn, M., & McPartland, T. (1984). An empirical investigation of self-attitudes. In G.M. Andreeva, N.N. Bogomolova, L.A. Petrovskaya (Eds.), *Modern foreign social psychology: Texts* (pp. 180–188). Moscow: Lomonosov Moscow State University Publ. (In Russ.)
- Kuhn, M.H., & McPartland, T.S. (1954). An empirical investigation of self-attitudes. *American Sociological Review*, 19(1), 68–76. <https://doi.org/10.2307/2088175>
- Lickel, B., Hamilton, D.L., & Sherman, S.J. (2001). Elements of a lay theory of groups: Types of groups, relational styles, and the perception of group entitativity. *Personality and Social Psychology Review*, 5(2), 129–140. https://doi.org/10.1207/s15327957pspr0502_4
- Lickel, B., Hamilton, D.L., Wiczorkowska, G., Lewis, A., Sherman, S.J., & Uhles, A.N. (2000). Varieties of groups and the perception of group entitativity. *Journal of Personality and Social Psychology*, 78(2), 223–246. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.78.2.223>
- Lloyd, M. (2019). *Extremist risk assessment: A directory*. Centre for Research and Evidence on Security Threats (CREST). Retrieved April 26, 2024, from <https://crestresearch.ac.uk/resources/extremism-risk-assessment-directory/>
- McPartland, T.S., Cumming, J.H., & Garretson, W.S. (1961). Self-conception and ward behavior in two psychiatric hospitals. *Sociometry*, 24(2), 111–124. <https://doi.org/10.2307/2786061>
- Moliner, P., & Lo Monaco, G. (2017). *Méthodes d'association verbale pour les sciences humaines et sociales: Fondements conceptuels et aspects pratiques*. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble.

- Murashcenkova, N.V., Gritsenko, V.V., Kalinina, N.V., Konstantinov, V.V., Kulesh, E.V., Malenova, A.Y., & Malyshev, I.V. (2023). Attitudes towards patriotism and patriotic self-identity of Russian students youth in the polarization of Russian society. *Social Psychology and Society*, 14(4), 68–88. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/sps.2023140405>
- Postmes, T., Haslam, S.A., & Jans, L. (2013). A single-item measure of social identification: Reliability, validity, and utility. *British Journal of Social Psychology*, 52(4), 597–617. <https://doi.org/10.1111/bjso.12006>
- Reysen, S., Katzarska-Miller, I., Nesbit, S.M., & Pierce, L. (2013). Further validation of a single-item measure of social identification. *European Journal of Social Psychology*, 43(6), 463–470. <https://doi.org/10.1002/ejsp.1973>
- Rhee, E., Uleman, J.S., Lee, H.K., & Roman, R.J. (1995). Spontaneous self-descriptions and ethnic identities in individualistic and collectivistic cultures. *Journal of Personality and Social Psychology*, 69(1), 142–152. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.69.1.142>
- Rose, G. (2014). On the relation between ‘visual research methods’ and contemporary visual culture. *The Sociological Review*, 62(1), 24–46. <https://doi.org/10.1111/1467-954x.12109>
- Rumyantseva, T.V. (2005). *Transformation of identity of students of medical university in changing social conditions*. PhD in Psychology Thesis Abstract. Yaroslavl: YarSU. (In Russ.)
- Sarma, K.M. (2017). Risk assessment and the prevention of radicalization from nonviolence into terrorism. *American Psychologist*, 72(3), 278–288. <https://doi.org/10.1037/amp0000121>
- Shikhirev, P.N. (1999). *Modern social psychology*. Moscow: The Institute of Psychology RAN Publ. (In Russ.)
- Stefanenko, T.G. (1999). *Social psychology of ethnic identity*. Doctor in Psychology Thesis Abstract. Moscow: MSU. (In Russ.)
- Swann, W.B. Jr., Gómez, Á., Seyle, D.C., Morales, J.F., & Huici, C. (2009). Identity fusion: The interplay of personal and social identities in extreme group behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*, 96(5), 995–1011. <https://doi.org/10.1037/a0013668>
- Tajfel, H. (1972). La catégorisation sociale. In S. Moscovici (Ed.). *Introduction à la psychologie sociale* (pp. 272–302). Paris: Larousse.
- Tajfel, H. (1982). Social psychology of intergroup relations. *Annual Review of Psychology*, 33(1), 1–39. <https://doi.org/10.1146/annurev.ps.33.020182.000245>
- Tatarko, A.N., & Lebedeva, N.M. (2011). Methods of ethnic identity research. In *Methods of ethnic and cross-cultural psychology. Textbook* (pp. 13-14). Moscow: Higher School of Economics Publ. (In Russ.)
- Turner, J.C. (1982). Towards a cognitive redefinition of the social group. In H. Tajfel (Ed.). *Social identity and intergroup relations* (pp. 15-40). Cambridge: Cambridge University Press.
- Watkins, D., Yau, J., Dahlin, B., & Wondimu, H. (1997). The Twenty Statements Test: Some measurement issues. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 28(5), 626–633. <https://doi.org/10.1177/0022022197285007>

Article history:

Received 23 March 2024

Revised 30 April 2024

Accepted 5 May 2024

For citation:

Bovina, I.B., & Bovin, B.G. (2024). Methods of social identity analysis: Problems and prospects for their resolution (Brief review). *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 21(2), 633–656. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2024-21-2-633-656>

Author's contribution:

The authors contributed equally to the conceptualization of the study, selection and analysis of literature, writing, editing and design of the article.

Conflicts of interest:

The authors declare that there is no conflict of interest.

Bio notes:

Inna B. Bovina, Doctor of Psychology, Professor at the Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (29 Sretenka St, 127051 Moscow, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-9497-6199, SPIN-code: 9663-3747, AuthorID: 276224. E-mail: innabovina@yandex.ru

Boris G. Bovin, PhD in Psychology, Associate Professor, Leading Researcher, Federal State Institution — Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (15A, Narvskaya St, bldg 1, 125130 Moscow, Russian Federation), ORCID: 0000-0001-9255-7372. E-mail: bovinbg@yandex.ru